

Р. И. КОЗИНЦЕВА

АСТРАХАНСКИЕ СТРЕЛЬЦЫ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.
(Опыт изучения сказок астраханцев)

Источников для детального и всестороннего исследования состава стрелецкого войска Астрахани сохранилось немного: архивы местных учреждений уничтожались во время восстаний. Этот пробел не может быть полностью восполнен материалами, отложившимися в центральных учреждениях. Поэтому приобретают интерес сказки астраханцев, хранящиеся в фонде Астраханской приказной палаты¹.

Большая часть этих сказок принадлежит астраханским стрельцам, что дает возможность проанализировать в различных аспектах их состав после подавления Крестьянской войны.

Сказки сохранились за ряд лет. Наиболее ранние из них относятся к 1674 г., затем — к 1681—1682 гг., к 1685—1686 гг., к 1690—1691 гг., и, наконец, есть группа сказок за 1702 г. Все эти сказки являются остатками более крупных, но утраченных комплексов документов, отложившихся в результате периодически повторявшихся переписей жителей Астрахани. Установить, в какие годы XVII в. проводились переписи, трудно. Наиболее раннее упоминание о переписи

---

¹ Ленинградское отделение Института истории АН СССР (далее — ЛОИИ), ф. 178.

относится к 1614 г.² Другое свидетельство содержит указание на то, что перепись проводилась в 1670 г., накануне Крестьянской войны. Так, в 1674 г. сторож Приказной палаты показал: «Во 178 г. по приказу... воеводы И. С. Прозоровского... перед воровским казаческим в Астрахань приходом не за большое время велено было в Астарахани переписывать дворы у астараканских жителей, всяких чинов у людей письменному голове Григорию Алексееву сыну Борису и купчие имать для справки»³. В сказках 1682 г. также имеются ссылки на какие-то переписи, материалы которых до нас не дошли⁴.

Первой переписью, документы которой сохранились, является перепись 1674 г. Проводил ее голова астраханских конных стрельцов казанец Г. И. Жуков. Задачи, стоявшие перед ним, определены памятью воеводы И. М. Милославского. Жукову надлежало «переписать в Астарахани в Кр[емле] и Белом городех дворы и во дво[рех] всяких чинов астараканских ж[ите]лей, и у них детей и братьей, и плем[яни]ков, сосед и подсоседников, и на дворы... крепости и с тех крепостей и... списки за руками [брать?]. И Григорий Жуков в старом и в нов[ом] в каменных городех всяких людей астараканских жител[ей] и в них людей и их детей и братьей и [племян]ников и соседей и подсоседников переписывал и хто по какой крепости дворами владеет у тех людей за [их] руками с крепостей имал списки и [ска]ски, и те подлинные списки и ска[ски] в сем столпу ниже сего»⁵.

Если сопоставить инструкцию Жукову с инструкциями Поместного приказа во время переписи, проводившейся в 1677—1678 гг., то оказывается, что в них отсутствует пункт о проверке документов на право владения дворами⁶. Эта проверка была обязательным условием при составлении писцовых, а не переписных книг. В Астрахани же, как видно из инструкции Жукову, обе задачи — проверка документов на

право владения дворами и перепись людей, в них обитающих, — ставились одновременно. Фактически же, как видно из всех сохранившихся сказок, в одних переписях упор делался на осуществление первой задачи, в других — на обе. Этим объясняются некоторые существенные различия в содержании сказок.

Сказки, отложившиеся в результате переписи 1674 г., содержат ответы на два вопроса: на каком основании опрашиваемый владеет дворовым местом и двором и почему у него нет на руках документов, подкрепляющих его право на владение. Таким образом, сказки 1674 г. давали исключительно те лица, которые по каким-либо причинам утерали документы или их вообще не имели. Лица же, обладавшие документами, сказок не давали, а предъявляли переписчику свои купчие, закладные, меновные: с них снимались копии, которые заверялись владельцами и подклеивались в «столп» Приказной палаты⁷. На вопросы, предусмотренные инструкцией, о составе двора, о наличии соседей и подсоседников, наемных людей ответов в сказках нет.

В конкретных условиях Астрахани, определявшихся давлением Крестьянской войны 1670—1671 гг. и рядом мероприятий правительства по ликвидации ее последствий, проверка дворовладельцев и их прав имела для местной администрации определенный смысл. Стрелецкие разборы, сокращение числа стрелецких полков и их численности, переселение целых полков в новые слободы, отвод новых участков в городе другим группам населения («всяким чинам дворцового рыбного промысла», монастырским бобылям и крестьянам, переводимым в посад и др.) основательно изменяли размещение городского населения. Итоги этой перестройки и должна была отразить перепись 1674 г.

Перепись 1681—1682 гг. проводил симбирянин У. В. Мошенский. От нее сохранилось 502 сказки; наиболее ранние датируются августом 1681 г., последние — 16 апреля 1682 г. За некоторые дни до нас дошло более 20 сказок. Приводим текст одной из сказок: «190 г. января в 14 день по указу великого государя в Астарахани на съезжем дворе симбиряину Устину Васильевичу Мошенскому сказал по святой непорочной евангельской заповеди господни ей же ей ей

² ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 206. Текст инструкции переписчику приведен в статье: И. В. Степанов. Гулящие рабочие люди в Поволжье в XVII в. — «Исторические записки», т. 36, стр. 160.

³ ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 6449, сстав 751.

⁴ Там же, д. 8650, сставы 94, 11.

⁵ Там же, д. 6426.

⁶ «Переписная книга 1678 г. по Нижнему Новгороду». — «Русская историческая библиотека», т. XVII. СПб., 1898; стб. 356; «Устюг Великий». М., 1883, стр. 143; «Торопец». М., 1883, стр. 9; «Рязань». М., 1884, стр. 27.

⁷ ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 6449, стб. из 1119 сставов. Сказки датированы 2—25 июля.

в правду астраханской пешей стрельец полковника Антонова приказа Яковлева Рубкова Ивашка Якимов. Родиною я казанец, стрельецкой сын, а ис Казани в Астрахань прислан с отцом своим на переведенье тому 27 лет. А в соседях у меня живет стрельец того ж приказу Фетька Власов царегородец. А детей у меня и иных соседей и подсоседников, и купленных ясырей, и наемных роботных гулящих людей нет. А двором владею по купчей. То моя и скаска. А скаску писал того ж приказу сотинной Васька Плошин»⁸.

При проведении переписи 1681—1682 гг. в отличие от переписи 1674 г. сохранность документов, подтверждающих право владения двором, не освобождала от дачи сказок; копии этих документов, не заменяя сказок, были приложением к ним. Сказки 1681—1682 гг. содержат сведения о лицах мужского пола, живущих во дворе; таким образом, выполняется обычное требование инструкций переписчикам, о котором упоминалось выше. Это дает основание сопоставить переписи 1681—1682 гг. с переписями 1677—1678 гг., проводившимися во многих городах русского государства, в том числе и в городах Поволжья, а сказки 1681—1682 гг. предположительно рассматривать как черновые, первичные материалы для составления переписной книги по Астрахани. Сказки 1681—1682 гг. более обстоятельны, чем сказки 1674 г., в них сообщаются некоторые биографические данные; их дают не только дворовладельцы, но и обитатели чужих дворов. Необходимо подчеркнуть, что в сказках отсутствуют сведения о занятиях, торгах и промыслах стрельцов и посадских людей, а также о размерах посадского тягла. Очевидно, эти вопросы в отношении данных социальных групп совершенно не интересовали опрашиваемых. Сведения же о занятиях и промыслах людей, социальное положение которых было неустойчиво (гулящие люди, закладчики), встречаются чаще; к ним администрация проявляла более пристальное внимание.

От переписи 1690—1691 гг., проведенной стольником Н. П. Титовым, сохранилось 109 сказок⁹. Подавляющее большинство их (102) не содержит данных о людях, живущих во дворе; они бедны биографическими сведениями, т. е. по типу ближе к сказкам 1674 г., нежели 1681—1682 гг. Среди сказок

1690—1691 гг. находится три сказки, которые можно назвать «коллективными».

Приводим текст одной из них. 1691 г. апреля 16 пешие стрельцы приказа (полка) Галачалова сказали: «После смутного времени с прошлого 181 году с разбору... Одоевского отведено и дано нам место, где жить всему приказу и строить стрельцкую слободу... и мы в том указном месте с того числа и по се время живем и двориска свои сами строим; да в той нашей слободе, кто иных чинов живет своими дворами, а не стрельцы, и по какому они указу и по каким крепостям дворами владеют, про то те люди сами скажут»¹⁰. Очевидно, только «иных чинов» люди должны были давать индивидуальные сказки, а 300 стрельцов полка, от имени которых была дана общая сказка, освобождались от этой обязанности. Естественно, что такая система опроса во много раз сокращала количество документов, отложившихся в результате переписи, упрощала ее, но одновременно и обезличивала, обедняла сказку, которая отвечала лишь на один вопрос: на каком основании стрельцы данного приказа живут в стрельцкой слободе.

От остальных переписей — переписи 1685 г., проведенной стольником и подполковником московских стрельцов Р. Ф. Рыкуновым (16 сказок); переписи 1702 г., проведенной стольником Д. Н. Елагиным (51 сказка, все написаны на гербовой бумаге), — сохранились лишь фрагменты.

Из краткого обзора видно, что наиболее богаты содержанием сказки 1681—1682 гг., их число (502) позволяет сделать статистическую обработку. Поэтому мы и остановимся на анализе сказок 1681—1682 гг.

Из общего числа 502 сказок 281 (56%) принадлежит стрельцам, 89 (17,7%) — вдовам стрельцов, посадских людей и других астраханцев, 55 (10,9%) — посадским людям, 24 (4,8%) — записным плотникам, 17 (3,4%) — гулящим людям; одною—пятью сказками представлены другие категории населения (слободчики, пушкари, сторожа, церковный причт, патриаршие, монастырские и митрополичьи закладчики и служебники и др.).

Общее число астраханских стрельцов определялось 1,5 тыс. человек. В указе 1672 г., данном воеводе Н. Н. Одоевскому, предусматривалось комплектование двух

⁸ ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 8650, сстав 37.

⁹ Одна датируется 24 октября 1690 г., остальные — февралем-октябрем 1691 г.

¹⁰ ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 12010.

конных и двух-трех пеших стрелецких полков численностью 300 человек (не более)¹¹. Наш источник, следовательно, охватывает 19% общего числа астраханских стрельцов.

Рассматривая наши данные более дифференцированно, по полкам, видим, что в приказе астраханских пеших стрельцов Рубкова по документам на выдачу жалования стрелецким полкам за 1681—1682 гг.¹² числился 291 человек; мы же располагаем 83 сказками, т. е. сведениями о 28% состава этого полка. Численность приказа пеших стрельцов Meinа равнялась 283 человекам; 38 сказок охватывают около 13% полка; 90 сказок полка пеших стрельцов Дигильбова охватывают 30% состава полка. Очевидно, наиболее полно нашим источником охвачены стрельцы двух пеших полков.

Место рождения опрашиваемых указано в подавляющем большинстве сказок. Лишь в 37 сказках о нем нет сведений. Уроженцами Астрахани было 105 человек, Алатыря — 4, Арзамаса — 3, Вологды — 3, Вятки — 5, Галича — 2, Ельца — 2, Казани — 16, Костромы — 3, Москвы — 6, Мурома и уезда — 5, Нижнего Новгорода и уезда — 11, Самары и уезда — 5, Санчурска — 2, Свияжска — 2, Серпухова — 2, Симбирска — 3, Тамбова — 3, Уржума — 4, Уфы — 3, Царевкокшайска — 3, Чебоксар — 5, Шешминска — 2, Яранска — 4, уроженцев Балахны, Барминской волости, Брянска, Васильурска, Владимира, Вязьмы, Елабуги, Кадомского уезда, Каргополя, Киева, Космодемьянска, Кокшенги, Коломны, Путивля, Саранска, Саратова, Смоленска, Суздаля, Тихвина, Устюга Великого, Шацка, Ярославля и «малороссийских городов» — по одному человеку, иноземцев — 17 человек (в том числе поляков — 6, «польской породы г. Вязьмы» — 1, «иноземцы-смоляны» — 3, «волоской земли выходец из плена» — 1, «москвитин, иноземский сын» — 1, «новокрещен» — 1).

Таким образом, наибольшее число стрельцов были уроженцами Астрахани (43% стрельцов, место рождения которых известно), уроженцами Средней и Верхней Волги — 22%, поляков и выходцев из Смоленской земли — 7%.

О социальном происхождении стрельцов мы располагаем весьма неполными данными. 185 человек из 281 не сообщили таких сведений. Из 96 человек более половины (51) оказа-

лись сыновьями стрельцов, 7 — крестьянами (в том числе 1 монастырский и 1 «государев»), 3 — сыновьями крестьян, 4 — сыновьями посадских людей, 1 — казачьим сыном, 1 — сыном записного плотника, 1 — чернослободцем, 2 — солдатами, 1 — сыном боярским, 17 — иноземцами, 1 — «новокрещеном», 7 человек прибыли в Астрахань уже будучи стрельцами. Из числа стрельцов, не сообщивших сведений о своем происхождении, 14 человек были переведенцами. Ввиду того что в Астрахань правительство переводило, как правило, стрельцов и посадских людей, можно соответственно увеличить численность этих двух групп.

Преимущественное (но не исключительное) комплектование стрелецких полков за счет сыновей стрельцов и одновременно включение в полки чрезвычайно пестрой по социальному составу молодежи, которая, уходя в Астрахань, порывала с тяглом отцов, определяли состав астраханских стрельцов.

Из стрельцов, которые не были уроженцами Астрахани, в город прибыли «своею охотою» 43 человека, «в работе» — 3, в стрельцах и в «солдатском строю» — 5, переведены на жительство в Астрахань из других городов — 27¹³, сосланы — 4¹⁴, вышли из плена — 4¹⁵, «бежали от башкирского разгрома» — 1 шешминец, «новокрещен» — 1; нет сведений относительно 88 стрельцов.

Из 3, показавших, что они прибыли «в работе», на стругах, 2 были крестьянами (1 монастырский и 1 «государевой Тетюшской волости») и 1 — стрельцом-нижегородцем. Можно предположить, что значительная часть людей, прибывших в Астрахань «своею охотою», тоже приплыла на судах.

Длительность проживания в Астрахани характеризуется следующими цифрами. Из 281 стрельца менее 10 лет жили в городе 4 человека, 10—11 лет — 10, 13—18 лет — 30, 20—29 лет — 60, 30—39 лет — 16, 40 лет и более — 6 человек,

¹³ Переведены из Казани — 7, Чебоксар — 4, Яранска — 4, Уржума — 2, Каргополя, Космодемьянска, Кокшенги, Москвы, Санчурска, Саранска, Симбирска, Царевкокшайска — по одному; неизвестно откуда — 2. Из 27 переведенцев 11 — стрельцы и стрелецкие сыновья; остальные могли быть или посадскими, или также стрельцами.

¹⁴ В том числе 2 из Москвы (в 1657 и 1667 гг.), по одному из Костромы (1652 г.) и Галича (1665 г.).

¹⁵ В том числе 1 самарец, стрелецкий сын, был взят на Волге и вышел из плена в 1647 г.; 1 «родом малороссийских городов», вышел в 1665 г.; 1 взят «в малых летах», не помнит откуда, вышел в 1674—1675 г.; 1 иноземец «волоские земли».

¹¹ «Акты исторические», т. IV, № 227.

¹² ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, л. 8350, 8459.

105 человек, как уже упоминалось, были астраханцами; о 50 стрельцах сведений нет.

Таким образом, пришедших в Астрахань после Крестьянской войны оказалось всего 14 человек (из них 4 иноземца, 1 арзамасец, сын боярский). Подавляющее большинство (94%) стрельцов, длительность проживания которых в Астрахани известна, были коренными астраханцами или жили в городе до Крестьянской войны. Меры правительства, уничтожившего после 1671 г. наиболее активных представителей стрельецких масс, не обновили существенно состава астраханских стрельцов.

Из 281 стрельца 266 имели свои дворы, у 11 не было дворов, относительно 4 нет сведений. Подавляющее большинство дворов (214) было построено на участках, выделенных государством («данных», «указных») владельцу двора или его отцу. 4 стрельца владели дворами «исстари», 48 человек — по крепостям. Из числа стрельцов, не имевших своих дворов, 3 жили у родных, 1 — «в чужом дворе», 3 — в соседях (в том числе 1 — у вдовы, которой он продал свой двор, 1 — у пушкаря, 1 — неизвестно где), 4 — на «государском дворе». По-видимому, в данном случае речь идет о дворах, которые служилые люди ставили «государевыми казенными деньгами»¹⁶.

Стрельцы, не имеющие дворов, составляли всего 3,9% ко всему числу опрошенных стрельцов; среди других слоев населения этот процент был значительно выше (не имело дворов 20% — посадских людей и 82% — гулящих людей).

Зарегистрирован один случай сдачи пешим стрельцом в наем двора гулящему человеку.

В состав семьи стрельцов входили малолетние дети, взрослые неотделенные сыновья и родственники, живущие вместе. Большая часть из них также была стрельцами. Так, из 281 стрельца у 23 человек во дворе жили сыновья-стрельцы, у 2 — зятя, у 6 — братья, у 7 — пасынки, у 1 — племянник и у 2 — отчима. Таким образом, родные были стрельцами почти у 15% давших сказки.

Родственники, живущие во дворе стрельца, но сами не являвшиеся стрельцами, встречаются значительно реже. У одного стрельца живет во дворе отчим, гулящий рабочий

человек, у другого — зять, посадский человек, у третьего — брат, пономарь; у одного — сын, записной кормщик, у другого — сын, «не в службе, кормитца работою, делает на митрополичьи учуги рукавицы восьмой год». Не стрельцы жили менее чем у 2% родственников, давших сказки.

Кроме родственников, во дворе у стрельцов жили наемные и купленные люди. Наемные люди зарегистрированы у двух стрельцов: конный стрелец полка Мартыянова показал, что на его «извозном дворе живут работных людей 3 человека», пеший стрелец полка Рубкова сказал, что у него живут 2 наемных человека и «купленный калмык». «Купленные девки» (в том числе 1 «татарской породы») жили еще у двух стрельцов.

Таким образом, «купленные» были примерно у 1% стрельцов. Для других групп астраханского населения этот процент выше — у посадских людей и у вдов он достигает почти 4. Наемные же люди не зарегистрированы ни у кого, кроме упомянутых выше двух стрельцов. Однако это обстоятельство отнюдь не исключает самого широкого применения стрельцами труда сезонных работников в период навигации на Волге. Нельзя забывать, что перепись, проходившая в то время, когда навигации не было, охватила лишь людей, более или менее постоянно живущих (во всяком случае зимовавших) в Астрахани.

29 стрельцов, живших в своих дворах, показали, что у них имеются соседи. По своему социальному положению соседи были: стрельцами — 20 человек, посадскими людьми — 4, записными плотниками — 1, гулящими людьми — 3, неизвестный — 1. Необходимо отметить, что среди соседей были и родственники: брат родной, посадский человек; зять, гулящий человек; 2 двоюродных брата, в том числе 1 стрелец; 2 отчима, в том числе 1 гулящий человек и 1 записной плотник.

В сказках посадских людей и других групп населения Астрахани также имеются сведения о соседях¹⁷. Извлекая из этих сказок данные о стрельцах и объединяя их со сведениями, полученными из стрельецких сказок, мы получаем следующие цифры. В 502 сказках астраханцев содержится упоминание о 32 стрельцах, живших в «соседях». Из них 20 жили

¹⁶ П. Смирнов. Города Московского государства, т. I, вып. 1. Киев, 1917, стр. 30.

¹⁷ Ср. В. Н. Колоченкова. К вопросу о соседях как социальной категории. — «Русское государство в XVII веке». Сборник статей. М., 1961, стр. 201—207.

у стрельцов, а из этого числа 12 — у своих однополчан. 2 стрельца жили у посадских людей, 8 — у вдов, 1 — у пушкаря, 1 — у неизвестного. Эти данные представляют интерес для изучения такой малоисследованной категории населения русского города, как соседи. Экономической зависимости между дворохозяевами и соседями на основании нашего источника установить не удалось.

Необходимо отметить, что, несмотря на стремление правительства обеспечить стрельцов дворами, процессы социально-экономического развития приводили к расслоению стрелецкой массы. Одни стрельцы становились соседями (по-видимому, жильцами); немногие заводили предприятия, используя труд купленных и наемных людей. Специфика использованного нами источника не позволила более выпукло и отчетливо отразить этот процесс.